

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

Двоякая роль отрицательных вербальных суффиксов [-*ни*] в японском языке¹

В современном, так называемом государственном (*kokujo*), или стандартном (*so:z'ujo*), японском языке, насаждаемом Министерством народного просвещения во всех школах Японской империи, совершенный вид любого глагола выражается преимущественно деепричастной формой, на которую наращивается глагол *šimau* «кончать»². Таким образом получаются, например, следующие пары глаголов:

<u>несовершенный вид</u>	<u>совершенный вид</u>
<i>toru</i> «брать»	<i>tottesimau</i> «взять»
<i>taberu</i> «есть»	<i>tabetesimau</i> «съесть»
<i>jomu</i> «читать»	<i>jondesimau</i> «прочсть»
<i>juki (iku)</i> «идти»	<i>ittesimau</i> «уйти»

В живом разговорном языке города Токио, язык буржуазии которого лег в основу «государственного языка», окончания деепричастия *-te* и *-de* обычно сливаются с нижеследующим глаголом *šimau* в неразделенные комплексы — *tc'imau* и *z'imau*, которые, идя далее по пути сокращения произносительных работ, в конечном итоге превращаются в комплексы *tc'au* и *z'au*. Другими словами, вышеприведенные глаголы совершенного вида обычно произносятся следующим образом:

totc'imau — *totc'au*
tabetc'imau — *tabetc'au*
jonz'imau — *jonz'au*
itc'imau — *itc'au*

Так обстоит дело с наиболее характерным способом образования совершенного вида в «стандарте» и живом токиоском говоре³. В параллель к вышеизложенному укажу, что такой же способ образования совершенного вида наблюдается и у айнов о-ва Хоккайдо, которые для образования совершенного вида берут деепричастную форму глагола (оканчивающуюся на *-wa*) и присоединяют к ней глагол *okere* «кончать», например: *ku-oira-wa okere* «я забыл» (от *oira* «забывать»), *poro tuki a-uina-wa a-ku-wa a-okere* «большую чару я взял

¹ Архив востоковедов. Фонд Н. А. Невского. Оп. 2. Ед. хр. 59. Машинопись. Статья датируется 1935 г. В архиве сохранился также другой ее машинописный вариант без заглавия и трех первых страниц (оп. 2, ед. хр. 67).

² Характеристика данных форм как форм совершенного вида устарела. Точнее их определить как формы со значением необратимого изменения состояния. Они не синонимичны упоминаемым ниже старым формам на *-ни*.

³ В настоящее время об этих формах можно говорить как об общепонских разговорных.

и выпил», букв. «большая чара я взявши, я пивши, я кончить» (былинный язык).

Впрочем, глагол *okere* может следовать и непосредственно за глаголом, например: *šir'kunne okere* «стало темно, стемнело» (Kindai-chi Kyōsuke. Ainu jojishi yukarano kenkyū. Т. 2. Токио, 1931, с. 167).

Если теперь мы обратим внимание на умирающий так называемый литературный язык (*bungo*), в основе своей опирающийся на «классическую» грамматику говора придворной киотоской знати Х в., то здесь мы найдем несколько способов образования совершенного вида, ничего общего не имеющих с вышеприведенным.

Считаю здесь уместным отметить, что большинство японских, а за ними и европейских грамматик японского (как «литературного», так и «разговорного») языка при описании того или иного грамматического явления обычно ограничиваются лишь чисто формальным подходом к вопросу, не затрагивая его по существу. В частности, во всех вопросах, касающихся глаголов, японские грамматики традиционно рассматривают глагол сквозь призму так называемых пяти (или шести) основ, буквально «форм» (*ke:* или *ho:*), совершенно не интересуясь вопросом, что же собой представляют эти основы, как таковые; каково их происхождение и каковы их функции, помимо того что на такую-то основу наращивается та или иная «вспомогательная частица» (*z'o'si* или *zo'si*) и тот или иной «вспомогательный глагол» (*z'odo:s'i*). Большинство составителей грамматик совершенно не интересуются, например, вопросом, почему некоторые основы определенных классов глаголов совпадают друг с другом (другими словами, почему в этих классах одна основа исполняет роль двух основ), почему в одном классе мы видим суффиксирование к корню гласных (*a, i, u, e*), а в других лишь суффиксирование слогов, состоящих из согласных и гласного и т. д.

Что касается «вспомогательных глаголов», то последние интересуют составителей грамматик только в следующих трех аспектах: 1) на какую основу глагола наращивается тот или иной «вспомогательный глагол», 2) как он сам изменяется по традиционным «формам» и 3) какой смысл он придает основному глаголу, к которому он суффиксирован. Все же прочие вопросы, связанные с происхождением «вспомогательного глагола», его связь с «формой» основного глагола, на которую он наращивается, и его отношение к прочим «вспомогательным глаголам» и прочее, — все это не только игнорировалось обычным составителем грамматики японского языка, но даже «традиционно» не возникало в его мышлении.

Однако такое состояние японской науки о собственном языке не может продолжаться долго. Если японский исследователь своего языка должен был в своих исследованиях замыкаться в узкие рамки чистого формализма, то к этому, как мне кажется, его принуждала окружающая его действительность. Ведь все вышеприведенные вопросы, связанные с объяснением тех или иных грамматических явле-

ний, могут возникать лишь в том случае, когда формальный метод, этот наиболее легкий для всякого приступающего к исследованиям метод уже начинает не удовлетворять исследователя, стремящегося заглянуть в глубь вещей и объяснить существующие языковые явления как результат определенного языкового процесса. А это может случиться лишь тогда, когда уже собрано и суммировано большинство языковых явлений не только прошлого (на основании сохранившихся письменных памятников), но и настоящего, продолжающих свою языковую жизнь из глуби веков вплоть до наших дней и выливающих в различные формы в различных уголках данной языковой арены. Другими словами, появление, а тем паче разрешение (кардинальное, а не формальное) всех языковых вопросов возможно лишь в том случае, когда изучена в достаточной мере живая речь во всем ее объеме, т. е. не только койне, но и все диалекты. Составители же японских грамматик оперировали лишь с языком как разговорным, так и «литературным», на котором говорил и писал ведущий класс, т. е. буржуазия города Токио¹. Иначе, они имели предметом своего изучения лишь весьма узкую языковую сферу с весьма определенными результатами языкового процесса, оторванного от жизни языка в целом, другими словами от языкового процесса и его исторической эволюции. Правда, из сопоставления данных языка буржуазии, легшего в основу японского койне, с данными письменных памятников, можно было сделать кое-какие выводы (и они сделаны), но эти выводы настолько незначительны, что о них почти не приходится говорить.

Что же касается живого разговорного языка во всем его объеме со всеми входящими в него диалектами, которые одни только смогут пролить свет на темную историю языка, то буржуазия им интересовалась, но интересовалась отрицательно. Диалекты интересовали буржуазию лишь постольку, поскольку в них наблюдались отклонения от насаждаемого «стандарта», с которыми надо было бороться и которые надо было всеми силами уничтожать, чтобы тем доставить конечную победу языку господствующего класса, а с ним вместе и идеям этого класса. Ясно, что при таком отношении к диалектам, апробированном в Японии Министерством народного просвещения, составители японских грамматик даже при желании разрешить ту или иную языковую проблему не могли этого сделать из-за отсутствия широкого диапазона, с одной стороны, и необходимого конкретного материала — с другой. И только за последние годы произошел сдвиг в этом направлении, и буржуазия усиленно принялась за изучение японского языка во всем его объеме, и в частности принялась за научное изучение диалектов, и это изучение уже дало кое-какие осяза-

¹ Японская лингвистическая традиция формировалась в XVII—начале XIX в. на основе изучения старописьменного языка (*бунго*), именуемого Н. А. Невским «литературным». В конце XIX—начале XX в. уже готовые исследовательские приемы, в частности выделение основ глагола, были перенесены на современный литературный язык («стандарт» у Н. А. Невского).

тельные результаты (пока преимущественно в области фонетики)¹. Это усиленное изучение диалектов, с одной стороны, можно объяснить подражанием западу (ср. хотя бы усиленное изучение диалектов во Франции), с другой — и это, несомненно, является главной причиной — начавшимся протестом провинции и подавленных классов против центральной власти и буржуазии.

Мы знаем, что после Октябрьской революции в Японии наряду с буржуазной литературой, написанной на языке буржуазии, появилась литература пролетарская, преследующая интересы пролетарского класса и вступившая в борьбу с классом угнетателей и его литературой. Так как для японского пролетариата не существует «стандартного» языка², то эта литература, не стесняясь, пользуется не только диалектами, но даже порою сплошь пишется на том или ином диалекте (ср., например, многие произведения писателя Канэко Ёбуи). Правда, и буржуазные писатели иногда прибегали к диалектам, но в большинстве случаев это было лишь своего рода «экзотизмом», тогда как в пролетарской литературе это не «экзотизм», а одно из боевых средств бороться против насаждаемого буржуазного «стандарта», против выявляемых им «буржуазных» идей, против буржуазии как господствующего класса. И если японская буржуазия принялась за серьезное изучение (а затем и подавление) пролетарской литературы как одного из могущественных средств борьбы своего врага-пролетариата, то ничего нет странного в том, что она принялась также и за изучение диалектов, на которых говорят рабочие и крестьяне империи. Как бы то ни было, факт остается фактом, и мы надеемся, что многие из выдвинутых нами вопросов будут понемногу разрешены японской наукой об их собственном языке.

Но вернемся к интересующему нас вопросу относительно способов образования совершенного вида глаголов в японском языке. Я уже сказал, что в «литературном» языке существует несколько таких способов, но в настоящий момент меня интересует только один, относительно которого я и хотел бы поделиться своими соображениями и таким образом разрешить ряд сомнений, назревших еще со студенческой скамьи. Я имею в виду способ образования совершенного вида посредством наращения «вспомогательного глагола *-ни*» на вторую основу глагола, другими словами, на *Nomen deverbativum*.

Следуя японским грамматикам, вышеназванный «вспомогательный глагол» сам изменяется по основам следующим образом:

¹ Японская диалектология действительно сложилась поздно, в основном в 20-е годы XX в., но развивалась быстрыми темпами; к настоящему времени детально описаны все японские диалекты и говоры.

² Утверждение, не соответствовавшее действительности: к 30-м годам литературный язык (по крайней мере, в письменном варианте) был распространен среди всех социальных слоев. Ср. столь же социологизированное, но точнее отражавшее реальность описание в книге Н. И. Конрада «Синтаксис японского национального литературного языка» (М., 1937. С. 13—18).

I (форма несовершенного действия)	— <i>-na</i>
II (Nomen deverbativum)	— <i>-ni</i>
III (заключительная «форма»)	— <i>-nu</i>
IV (атрибутивная «форма»)	— <i>-nuru</i>
V («форма совершенного действия»)	— <i>-nure</i>
VI (Imperativus)	— <i>-ne</i>

Для иллюстрации применения совершенного вида ограничусь одним примером:

<i>aki ki-nu-to</i>	Что пришла осень,
<i>meniwa sajakani</i>	Глазам ясно,
<i>mie-ne-domo</i>	[Еще] не видно, но
<i>kazeno otonizo</i>	Уже шумом ветра
<i>odorokare-nuru</i>	[Я] напуган

(Пример из «Кокинсю»¹)

В этом примере использованы две основы интересующего нас «вспомогательного глагола», а именно: третья (*-nu*) с Nomen deverbativum от глагола *ku* «приходить» (*ki*) и четвертая (*nuru*) с Nomen deverbativum Passivi от глагола *odoroku* «пугаться» (*odorokare*). Но в том же примере (в третьей строке) мы находим суффикс *-ne*, совпадающий, как видно из вышеприведенной таблицы, с VI основой разбираемого «вспомогательного глагола», но который мною переведен отрицанием «не» и который, согласно японским грамматикам, должен рассматриваться как пятая основа «вспомогательного глагола *-zu*», служащего для выражения отрицания (negativus) и наращиваемого на первую основу глаголов.

Схема изменений этого отрицательного «вспомогательного глагола» на основании традиций японских грамматик представляется в следующем виде:

I	— <i>-zu</i> (в Токио произносится <i>-zu</i>)
II	— <i>-zu</i> (— " —)
III	— <i>-zu</i> (— " —)
IV	— <i>-nu</i>
V	— <i>-ne</i>
VI	— deficit

Так обычно бывает представлен данный «вспомогательный глагол» в школьных грамматиках, но уже покойный проф. С. Мицуя, основываясь на изучении древних текстов, представляет схему изменения несколько иначе, а именно:

I	— deficit
II	— <i>-ni</i>
III	— <i>-zu</i>

¹ Поэтическая антология X в.

IV	—	- <i>ni</i>
V	—	- <i>ne</i>
VI	—	- <i>na</i>

Относительно шестой «формы» профессор делает примечание, что она наращивается на третью основу глаголов и выражает «повеление» (читай «запрещение») (Mitsuya Shigematsu. *Kōtō Nihombun-ten*. Токио, 1921, с. 192).

Эта «форма» до сих пор употребляется почти во всех японских диалектах для выражения запрещения и суффиксируется к третьей разговорной основе глаголов. Таким образом, в современном токиоском диалекте¹ мы имеем, например:

miru-na «не смотри»
kuru-na «не приходи»
suru-na «не делай»

В литературном же языке, как указано выше, это наращивается на третью (литературную) основу, так что от вышеприведенных глаголов запрещение выразится следующим образом:

miru-na «не смотри»
ku-na «не приходи»
su-na «не делай»

От данной «формы» образовано отрицательное прилагательное *nasi* (разг. *nai*) «не имеющийся» и от нее же был образован отрицательный глагол *nai* ← *нафи* ← **нари* «не иметься», «не быть», существовавший во время составления «Ман'ёсю» (VIII в.) в Квантоских² провинциях.

Если мы оставим в стороне «форму» *-zu*, происхождение которой требует специального исследования, то изменения данного «вспомогательного глагола» представятся в следующем виде.

Основные формы суффиксов Negativi

-*na*
 -*ni*
 -*ni*
 -*ne*

Если из «форм» «вспомогательного глагола» *-ni*, служащего для образования совершенного вида глаголов, изыдем «формы» четвертую и пятую, т. е. *niri* и *nire* как «формы» вторичного образования посредством наращивания суффиксов (*ru* и *re*) на «форму» *-ni*, «основные формы» представятся в следующем виде.

¹ Имеется в виду токийское просторечие.

² Т. е. кантоских (район Токио).

Основные формы суффиксов Perfectivi*-na**-ni**-ni**-ne*

Из сопоставления этой таблицы с предыдущей мы ясно видим, что основные формы суффиксов, придающих «негативный» смысл глаголу и «позитивный» (Perfectivus), совпадают в точности, и на этот факт, насколько мне известно, до сих пор еще никто не обращал внимания. Таким образом, факт диалектичности вышеприведенных суффиксов или «вспомогательного глагола», как их называют японские грамматики, в истории японского языка не подлежит никакому сомнению, остается только попытаться объяснить этот факт, кажущийся на первый взгляд странным и непонятным.

Для этого обратим внимание на наиболее близкие к японским говорам говоры рюкюские и посмотрим, как там образуется совершенный вид от глаголов.

На островах группы Мияко одним из наиболее употребительных способов образования Perfectiv'a служит следующий, а именно: берется форма глагола, оканчивающаяся на *-ni* (соответствует второй основе японских глаголов) и к ней суффиксируется отрицательный недостаточный глагол *na:ŋ* (на о-ве Тарама той же группы — *ne:ŋ*), означающий «нет», «не быть», «не иметься» и находящий себе параллели в подобных же глаголах других островов префектуры Окинава, так-то: *na:ni* (на о-ве Куросима и Хатодзима группы Яэяма, на первом из этих островов так же *na:ŋ*), *ne:ni* (на о-вах Исигаки, Такэтоми и Кохама; на о-вах Исикаки и Такэтоми так же *ne:ŋ*), *ne:ŋ* (говоры Сюи и Нафа на главном о-ве Окинава и говор о-ва Арагусуку группы Яэяма), *niŋ* (о-в Хатэрума группы Яэяма), *niŋ* (о-в Осима префектуры Кагосима) и *net* (о-в Какэрома той же префектуры). Например, от глагола *jum* «читать» (РК Сюи *juniŋ*, яп. *jomi*) образуется совершенный вид *jumin'a:ŋ* «прочитать». Когда я в первый раз встретился с этой формой, мой учитель объяснил мне ее японским выражением *jondenai*, которое мною было воспринято, как Negativus Progressivi, т. е. «не читаю», ибо в токиоском говоре — *jondenai-jondeinaï*. Я тотчас же заметил своему учителю, чтобы учитель пояснил подробнее: *jonde jonde to:jomi toŋowa nai* «читал, читал, так что нечего уже больше читать», из чего я понял, что выражение *jumin'a:ŋ* значит «прочитал». Таким же образом от глагола *fo:m* (на о-ве Ирав¹ *faum*) «есть» (соответствует яп. *kurai* с тем же значением) образуется *ffain'a:ŋ* «съесть» от *idiz-ĩm* (РК Сюи *ĩz'ijun*, яп. *deru*) «выходить» образуется *idin'a:ŋ* «выйти», «уйти» и т. д. Иногда *na:ŋ* наращивается не непосредственно на вышеуказанную форму глагола,

¹ В принятой транскрипции — о-в Ирабу.

а бывает отделен от нее усилительным суффиксом *-du* (РК *-du*, яп. Токио *-зо*, Осака *-do*), например: *iki-du n'a:ŋ* «уже ушел» (от глагола *iksīm*) (РК *i'cuŋ*, яп. *iku* «идти»). Возможно и прошедшее время совершенного вида, тогда вместо *na:ŋ* употребляется прошедшее время от него, т. е. *n'a:ddam*, например: *jumin'a:ddam* (от *jum* «читать»). Тот же способ образования Prefectivi наблюдается и на главном острове Окинава, хотя бы в говорах Сюи и Нафа¹, что отмечено уже профессором Чемберленом. В этих говорах точно так же ко II основе или деепричастной форме глаголов суффиксируется негативный глагол *ne:ŋ* и *ne:raŋ*. Например: *n'z'ine:ŋ* «ушел», «вышел» (соотв. Мияко *idin'a:ŋ*), *kadine:raŋ nato:ŋ* «съел» (соотв. Мияко *ffaina:ddam*) (см.: Basil Hall Chamberlain. *Essay in Aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language*. Jokohama, 1985, с. 232 : *ne:ŋ* и *ne:raŋ*). Проф. Чемберлен относительно этих глаголов (*ne:ŋ* и *ne:raŋ*) говорит следующее: «Наряду с *araŋ*, правильным Negativ'ом от *aŋ* («быть»), мы находим отрицательный субстантивный глагол *ne:raŋ*, для которого нет соответствующего положительного. Он означает «не быть» или, скорее, «не имеется» («there is not») и спрягается правильно. Иногда он сокращается в *ne:ŋ*» (Op. cit., с. 110).

В параллель к вышеизложенному способу образования Prefectivi на о-ве Рюкю могу указать на подобный же способ, существующий в языке айнов. У последних помимо способа образования Perfectivi посредством глагола *okere* «кончать», о чем я уже упоминал в начале настоящей статьи, существует и другой — посредством слова *isam* «нет», помещаемого, как правило, за деепричастной формой глаголов, оканчивающейся, как было уже сказано, на *-wa*, например:

otan-wa isam «[он] ушел» (от *otan* «идти, уходить»),
a-e-wa isam «мы съели» (от *e* «есть»),
si'kunne-an-wa isam «стемнело» (от *si'kunne* «темнеть»),
ki-oira-wa isam «я забыл» (от *oira* «забывать»)

(K. Kindaichi. Op. cit., t. 2, с. 166).

Вышеприведенный способ образования совершенного вида в современных рюкюских говорах, подтверждаемый также айнскими параллелями, нам ясно показывает, что мы не ошиблись, отождествляя японские «вспомогательные глаголы», выражающие Negativus и Perfectivus. Разница в получаемом результате зависит, таким образом, не от разницы в суффиксах, как об этом говорят японские грамматики, а главным образом от той «формы» основного глагола, на которую они наращены. Первая основа, или «форма», глаголов довольно правильно называется японскими грамматиками *mi-zeŋke:*, т. е. «формой еще не совершенного действия» (обычно указывает не на действие совершаемое, а на действие проблематическое или, скорее, на потенциальность действия, откуда благодаря наращению на эту

¹ В принятой транскрипции — Сюри и Наха.

основу определенных суффиксов получаем будущее (вероятное) время, условное наклонение, заставительный залог и прочие времена, наклонения и залого того же порядка. Нарастывая на эту основу отрицательный суффикс, мы тем самым отрицаем действие в его возможности возникнуть или, другими словами, отрицаем факт появления этого действия. Наоборот, вторая основа японского глагола указывает не на потенциальность действия, а на самое действие в его совершении, откуда данная основа употребляется в качестве отглагольного существительного или абстрактного (как, например, *jomi* «чтение», *hori* «рытье», или конкретного, показывающего даже результат совершенного действия (например, *hori* «ров»). Отрицая факт совершения (уже начавшего совершаться) действия, мы естественно приходим к мысли, что раз действие не совершается, значит, оно кончилось совершаться, т. е. уже совершилось.

Если мы обратим внимание на полную таблицу всех изменений «вспомогательного глагола» *-ni*, служащего для образования совершенного вида (т. е. *-na*, *-ni*, *-nu*, *-nuru*, *-nure*, *-ne*), то заметим, что все эти формы совершенно точно соответствуют спряжению (*kasijo*), которое японские грамматики называют *naŋ'o; heŋkaku kasijo*, т. е. «неправильным спряжением с основой на *n*», к которому, как известно, относятся только два глагола — *ŋinu* «умирать» и *inu* «уходить». Вследствие того что последний глагол помимо значения «уходить» имеет также и значение «умирать» и, кроме того, последнее понятие (т. е. «умирать») до сих пор по-японски часто передается глаголами, означающими «идти», «уходить» (например *iku*), мне кажется, возможно рассматривать глагол *ŋinu* как гибрид, составленный из заимствованного китайского слова *ŋi* «смерть» и «умирать» и японского глагола *inu* «уходить» с целью уточнения одного из значений этого последнего глагола¹. Если такое предположение верно, то неправильным глаголом «спряжения с основой на *n*» окажется, таким образом, только глагол *inu* «уходить».

Вследствие того что схема изменений негативно-перфективных суффиксов во всех своих первоначальных формах вполне совпадает со спряжением глагола *inu*, мне кажется, их, а за ними и вообще понятие «отрицательного» в японском языке можно возводить к слову *ina*, т. е. к понятию «уходить», тем более что одним из распространенных в японском языке отрицаний является слово *ina* «нет» (хотя бы в сочетании *ina-o*: «да и нет»), от которого образован, например, глагол *inatu* «отказывать», «отклонять».

¹ Эта этимология поддерживается как правдоподобная С. А. Старостиным (устное сообщение).

Возможно, что слово *ппа* или *ппа:*, на островах Мияко фонетически точно соответствующее яп. *ina* и употребляющееся (главным образом в языке женщин и детей) в значениях «до свидания», «прощай», «спокойной ночи», первоначально было будущим временем от несохранившегося глагола *ппит*, соответствовавшего яп. *inu* «уходить» (ср. глагол *ппиу* «умирать» на о-ве Ёнагуни группы Яэяма), и, таким образом, означало «пойду».

В заключение этой статьи не могу не упомянуть о способе образования совершенного вида на языке хиндустани¹, где для этой цели к основному глаголу суффиксируется глагол *dʒa:na* «уходить», «удаляться», например:

<i>girna:</i> «падать»	<i>girdʒa:na:</i> «упасть»
<i>parhna:</i> «читать»	<i>parhdʒa:na:</i> «прочитать»
<i>dekhna:</i> «видеть»	<i>dekhdʒa:na:</i> «увидеть»

(А. П. Баранников.
Хиндустани. Л., 1934, с. 112).

При рассмотрении японских суффиксов *Negativi* и *Perfectivi* в данной статье я взял только основные совпадающие формы и совершенно не затрагивал вопросов о происхождении, например, суффикса *-zu* или суффиксов вторичного образования (*-nuru* и *-nure*) и многих вопросов, касающихся значения и функций основных форм интересовавших меня суффиксов в их отношении к основам глаголов (например, почему один и тот же суффикс *-ни*, наращиваемый на первую основу глаголов, употребляется в литературном языке в качестве атрибутивной формы, а будучи наращен на вторую основу — в качестве заключительной формы). На все эти вопросы я не мог ответить, так как большинство из них находятся еще в процессе разрешения, и каждый потребует, как мне кажется, специальной статьи.

Основные положения к докладу «Фонетика Мияко в японо-рюкюской фонетической системе»²

1. Краткие географические и исторические сведения об островах Мияко.
2. Разделение говоров Мияко по фонетическим признакам на пять диалектов.

¹ Общее название для языков хинди и урду; сейчас устарело.

² Архив востоковедов. Фонд Н. А. Невского. Оп. 2. Ед. хр. 179. Машинопись. Доклад относится к последним годам жизни Н. А. Невского.